

§ 1. Фетиши и табу сциентистской методологии

В предыдущих главах мы неоднократно критиковали ошибочные, с точки зрения марксистского мировоззрения, подходы к проблеме ВЦ западных ученых и философов¹. Теперь нам предстоит рассмотреть вопрос о влиянии буржуазной идеологии на развитие этой области исследований более детально. Подобный критический анализ необходим как для правильной постановки проблемы ВЦ, так и в более широком — социальном и социально-психологическом контексте. Интерес, проявляемый широкой (отнюдь не только научной) общественностью к этой проблеме, непосредственно связан с ее мировоззренческими аспектами, с происходящей в настоящее время космизацией общественного сознания. В каком направлении пойдет этот процесс, будут его результаты благоприятны для человечества или породят многочисленные псевдокосмические суеверия и «ложные образы действительности» — во многом зависит от ответственности, с которой философы, социологи, ученые других специальностей подойдут к его изучению.

Космос является как бы гигантским экраном, на который проецируется земная проблематика. В свою очередь он сам служит средством постановок и решений земных проблем. Широкий круг воззрений и интересов, включенный в сферу космизации сознания, имеет и свою четко выраженную «земную» сторону. Исторически процесс влияния космоса на формирование сознания человека восходит некоторыми своими гранями к античности, к древним грекам, о которых К. Маркс говорил, что они навсегда останутся нашими учителями вследствие «грандиозной объективной наивности, выставляющей каждый предмет, так сказать без покровов, в чистом свете его природы, хотя бы это был и тусклый свет»². В картинах античного космоса господствовало представление о человеке как о частице космоса, здесь смысл человеческого существования воспринимался лишь в рамках «космических» отношений как момент общего космического процесса. У древних философов человек был космизирован в той же степени, в какой космос очеловечен. Но столь же бесспорно, что дегуманизация человека в системе общественных отношений современного нам капитализма имеет одним из своих следствий дегуманизацию космоса, рассмотрение его как арены «звездных войн» и как источника наживы для имущего меньшинства. Особенно опасно то, что этот процесс сочетается с быстрым, поистине революционным ростом научных знаний и технического могущества человечества.

Итак, критика апологетических, субъективно-идеалистических и других ненаучных концепций, с помощью которых буржуазное общественное сознание пытается освоить современные и перспективные космические реалии, важна и необходима. Но каковы должны быть ее характер и основные принципы? Нам представляется, что существо этих принципов в полной мере отражено в произведениях классиков марксизма-ленинизма и в партийных документах последнего времени. Это прежде всего — партийность, конкретность, повышенное внимание к наиболее острым, общественно значимым вопросам, поиск и анализ гносеологических и социальных корней тех или иных псевдокосмических заблуждений, умение и желание отделять подчас весьма глубокие и нетривиальные научные идеи от их поверхностной или философски ложной интерпретации.

Сказанное тем более существенно, что в 70-е гг. в нашей философской и публицистической литературе получили распространение упрощенный тип критического подхода к буржуазной идеологии. Если критикуемый автор говорил А, достаточно было сказать не-А, чтобы создать впечатление борьбы за прогрессивное мировоззрение. При этом как-то забывалось, что плоское отрицание без проникновения в существо вопроса ставит критику в прямую зависимость именно от неправильного его решения. Помимо принципиальной вторичности подобного отношения, оно опасно еще и тем, что критик легко становится объектом социальной манипуляции со стороны критикуемого.

Ошибочность тех или иных решений научной и (или) философской проблемы может быть видна только на фоне правильного, теоретически и методологически обоснованного, ее решения. Поскольку же оценка обоснованности приводимых доказательств во многом зависит от исходной философской позиции исследователя, гносеологический анализ должен сочетаться с социально-философским анализом, вскрывающим социальные корни мировоззренческих позиций. В этом и состоит одна из причин того, что главу, посвященную критике буржуазных воззрений на проблему ВЦ, мы поместили в конце данной книги. Содержание предыдущих глав поможет нам, не ограничиваясь отрицанием как самоцелью, рассмотреть критикуемые взгляды с точки зрения развитых в книге концепций.

Идея множественности обитаемых миров, лежащая в основе проблемы ВЦ, не «изобретена» наукой Нового времени; она транслирована в культуре из античной философии, как исторически первой формы рационального мировоззрения. Пройдя целый ряд этапов развития (в том числе и этап «латентного» существования — в рамках средневекового мировоззрения), эта идея оказалась в целом совместимой с современной научной картиной мира (НКМ). При этом, однако, нельзя сказать, что гипотеза о существовании ВЦ строго последовательно выводится из теорий и фактов науки. Основания для введения ВЦ как гипотетических элементов в НКМ являются прежде всего философскими — отно-

сходимся к «метанаучному каркасу» философской онтологии, который пронизывает и поддерживает здание НКМ, и лишь во вторую очередь они связаны с элементами собственно научного содержания НКМ. Не случайно конкретные оценки количества обитаемых планет в Галактике могут в зависимости от «симпатий» исследователей разниться на много порядков.

Очевидна, таким образом, необходимость привлечения философских наук для формирования эксплицитной (и коррективной) постановки проблемы ВЦ. ВЦ «по определению» это «иные социумы». Следовательно, говоря о них, мы не можем игнорировать выводы философско-социальных и гуманитарных наук. Естественные науки изучают мир, в котором существуют эти цивилизации, а также и предпосылки их возникновения. Достижения технических наук позволяют осуществлять поиск ВЦ и пытаться установить контакт с ними. Таким образом, проблема ВЦ не просто междисциплинарна, но скорее общенаучна, т. е. она включает в себя не только разные дисциплины, но разные *группы* дисциплин³.

Существенно, что философские и социально-философские аспекты проблемы ВЦ выступают основой теоретической системы, связывающей воедино «дисциплинарные проекции» этой проблемы. Можно сделать безукоризненный в профессиональном отношении расчет того или иного процесса, важного для проблемы ВЦ (к примеру — процесса освоения Галактики с помощью космических зондов и кораблей), но в отсутствие понимания социальных основ этого процесса результаты расчета будут представлять в лучшем случае формальный интерес. Именно поэтому критика взглядов, не учитывающих социальную сущность космических цивилизаций (или учитывающих ее в искаженном виде) необходима для успешного развития проблемы.

В предыдущих главах мы старались показать, что логически центральное место в постановке проблемы ВЦ занимают философско-социальные и гуманитарные науки, тогда как науки естественные и технические находятся в «подчиненном» положении. Разумеется, не следует понимать эту «иерархию» буквально. Взаимное влияние различных наук в постановке междисциплинарной проблемы может носить весьма сложный характер. Кроме того, исторический ход событий был в последние десятилетия все же противоположен этой логической схеме: достижения естественных наук в познании мира и достижения технических наук в создании новых средств и методов познания (радиоастрономия, ракетно-космическая техника) дали возможность по-новому поставить проблему множественности обитаемых миров и в соответствии с этой постановкой смоделировать искомые объекты. (Другое дело, что «невяные» философско-методологические и философско-социальные предпосылки этой постановки никуда не исчезли и продолжали — пусть опосредованно — влиять на ход исследований). Произошла сциентизация проблемы ВЦ, сведение ее к естественнонаучным и техническим аспектам. С одной сто-

роны, это позволило осуществлять эксперименты по поиску ВЦ на уровне, определяемом самыми последними достижениями естествознания и техники, но с другой — привело к широкому распространению мнения о том, что проблема ВЦ может быть поставлена и решена просто как очередная техническая головоломка.

Сциентизация проблемы ВЦ — частное проявление характерного для буржуазного общественного сознания процесса «гиперрационализации» картины мира, который (процесс) представляет собой одну из познавательных проекций «овещнения» — превращения межличностных отношений в отношения вещные⁴. (Другая проекция этого явления — дерационализация общественного сознания, связанная с «овещнением» самого человека, ставшего беспомощной игрушкой в руках чуждых и непонятных ему — на уровне обыденного здравого смысла — «внешних» сил). Иными словами, речь должна идти не только о сциентизации проблемы ВЦ, но прежде всего — о сциентизации (а следовательно, обеднении) науки как целого.

В гносеологическом отношении сциентизация, как известно, представляет собой попытку распространить частные естественнонаучные (или даже только физические) критерии научности на науку в целом. Хотя результаты подобной прокрустовой методологии редко оказываются жизнеспособными, догмат «абсолютной», «вневременной» строгости научных построений остается в глазах большинства западных ученых непоколебимым⁵. Сциентистский суррогат научности привлекает своей внешней «естественностью» и «простотой», понимание же неоднозначности и исторической изменчивости даже таких центральных критериев как воспроизводимость результатов эксперимента и соответствие теории фактам⁶, только начинает проникать в широкие массы научного сообщества.

Существенно также, что проблема ВЦ — это не только одна из самых сложных проблем современной науки, но и область, где сталкиваются противоположные идеологии и где социально-философские воззрения во многом определяют постановку и решение конкретных вопросов.

Обычно идеологические аспекты проблемы ВЦ в соответствующих исследованиях не выделяются, либо о них упоминается лишь вскользь. Нужно, однако, помнить, что в средние века (и еще раньше, в античные времена) идеологический «заряд» проблемы множественности обитаемых миров просматривался достаточно четко. В дальнейшем, уже в нашем веке, когда проблема ВЦ стала разрабатываться в основном естествоиспытателями, ее идеологические аспекты оказались на периферии научного поиска, и их лишь изредка касались некоторые философы. Неадекватность подобного положения ныне очевидна, и дело не только в забвении уроков истории. Необходимость учета идеологических аспектов проблемы ВЦ вытекает из того, что гипотетический

объект исследования представляет собой общества, имеющие иное, внеземное происхождение. И хотя о них высказываются различные гипотезы (что они могут представлять собой «плесень, распластанную на камнях», «мыслящий океан» и т. д.), тем не менее более вероятной выглядит «антропоморфная» или скорее «социоморфная» гипотеза, согласно которой ВЦ должна напоминать по своим сущностным закономерностям и чертам развития земную цивилизацию. Следовательно, несмотря на возможное различие путей и форм развития, удаленность от нас ВЦ во времени и пространстве — это все же не только природные и не только технические, а прежде всего социальные феномены. Отсюда ясно, что наши представления о них должны быть гораздо более насыщены идеологическими факторами, чем это мыслят себе естествоиспытатели, выбирающие лишь натуралистический аспект анализа либо сводящие проблему к техническим вопросам поиска. Нельзя не видеть того, что естественнонаучный и технический ракурсы рассмотрения находятся в тесной связи и, надо прямо сказать, в причинной зависимости от сущностного, социального аспекта проблемы ВЦ. А представления, гипотезы, предположения о сущности и проявлениях ВЦ зависят от мировоззренческих, идеологических взглядов, которых придерживается ученый, рассуждающий о проблеме ВЦ. Если бы проблема ВЦ была чисто естественнонаучной и (или) технической, заметных различий в ее постановке в условиях противоположных общественных систем не было бы (и в вариантах постановки, редуцированных к естественнонаучным и техническим аспектам проблемы, эти различия действительно минимальны). Однако философские и социальные концепции, господствующие в общественном сознании в условиях капитализма и социализма, противоположны по своей сущности и принципиально несовместимы. Наличие общей НКМ не должно вводить в заблуждение: во-первых, современная НКМ — это прежде всего *естественнонаучная* картина мира; во-вторых, взаимопонимание достигается здесь скорее на уровне содержания НКМ, чем на уровне ее «каркаса». Между тем, как отмечалось выше, именно философско-методологический каркас НКМ играет решающую роль в формировании проблемы ВЦ.

Идеологическое «сопровождение» этой проблемы имеет двоякую природу: оно вытекает как из содержания современной идеологической борьбы, которое «проецируется» на космос, так и из самого существа проблемы ВЦ. В данной главе мы остановимся в основном на последнем, но в том или ином плане будем затрагивать и первый упомянутый аспект — ведь они тесно связаны и невозможно обсуждать один из них, не касаясь другого.

Значение философско-методологических и идеологических оснований проблемы ВЦ стало особенно заметным в процессе обсуждения АС-парадокса⁷. Суть его вкратце заключается в серьезном противоречии между допущениями, на основе которых начались поиски ВЦ с помощью модифицированных методов радиоастрономии, и реальными — нулевыми — результатами этих поисков. Си-

туация еще более обострилась после того, как некоторые исследователи показали, что уже первая возникшая в Галактике цивилизация, вообще говоря, была бы технически способна за относительно короткое время (порядка десятков миллионов лет) изучить и освоить с помощью космических летательных аппаратов всю Галактику. Иными словами, если бы ВЦ существовали «где-то», то проявления их деятельности фиксировались бы и «здесь», в Солнечной системе. Кроме того, высокоразвитые цивилизации, располагающие соответствующими энергетическими и прочими возможностями, проявляли бы себя и на космических расстояниях— астроинженерным вмешательством в естественные процессы на орбитах звезд и звездных скоплений. Однако ни один из этих возможных вариантов подтвердить пока не удалось.

Разумеется, полученный (или, вернее, не полученный) результат можно поставить под сомнение как в плане чувствительности аппаратуры, времени ее работы, так и в плане обоснованности конкретных моделей «непосредственных объектов поиска», которыми руководствуются исследователи. Показательно, однако, то резкое размежевание точек зрения, к которому привело осознание АС-парадокса, несмотря даже на его явную эмпирическую неполноту. «Решений» (а вернее интерпретаций) этого парадокса было предложено немало, но все они в конечном счете сводятся к двум альтернативным вариантам: 1) ВЦ существуют, мы же слишком мало знаем, чтобы утверждать отсутствие проявлений их деятельности не только «далеко» от нас (около других звезд), но и «близко» (в пределах Солнечной системы)⁸; 2) ВЦ нет⁹.

Промежуточный вариант (ВЦ существуют, но «далеко») в свете результатов математического моделирования процесса освоения Галактики уже не пользуется особой популярностью. Как отмечает М. Папажианнис, единственное, что осталось сделать в эмпирическом поиске ВЦ—это тщательно исследовать Солнечную систему (в частности, пояс астероидов). Если «их» там нет, «мы» в Галактике одиноки¹⁰.

Можно, однако, предсказать, что даже отрицательный результат подобного исследования не станет решающим в многовековой дискуссии между сторонниками и противниками идеи существования ВЦ. Понятно, что альтернативные выводы, полученные на основе одного и того же фактического материала, могут быть обязаны лишь различию в концептуальных сетках, накладываемых на этот материал. Характер интерпретации эмпирических данных предопределяется в конечном счете «онтологической схемой» НКМ — и ее модификациями в сознании отдельного ученого (или группы ученых). Справедливо и обратное: по содержанию сделанных выводов и по аргументации в их пользу можно установить те особенности философского мировоззрения исследователя, которые остаются «за кадром» собственно научного исследования, а порой и намеренно затушевываются.

Нет сомнения в том, что любой ученый-естественник в процессе своей научной деятельности вынужден быть по крайней мере

стихийным материалистом. Его явные и неявные философские воззрения сказываются преимущественно при мировоззренческой интерпретации полученных фактических данных, теорий и т. д.; но такая интерпретация не всегда имеет место. Философские (в частности — гносеологические) основания научного исследования «объективно материалистичны» независимо от того, является ли ученый — субъективно — сторонником буржуазного или коммунистического мировоззрения. Попытка внести в исследование принципы, чуждые его природе, неизбежно привела бы к нарушению его объективности и, следовательно, к утрате научного характера.

Вместе с тем известно, что «естественнонаучный материализм» ученого, выросшего в духовной атмосфере буржуазного общества, непоследователен, метафизичен и зачастую недалек от позитивизма. Более того, стоит такому ученому попытаться сознательно «оформить» свои представления о мире и познании мира, как он почти неизбежно приходит к одной из разновидностей позитивизма. Причин этому много; главные из них — влияние общей идеологической атмосферы капитализма и объективное положение ученого в этом обществе, делающее его в значительной мере «частичным человеком» (разделяющим «частичную» же философию)¹¹. Как только перед «средним» ученым западного мира появляется не просто задача из области «нормальной науки», а междисциплинарная проблема с сильной (порой—решающей) мировоззренческой составляющей (это не только рассматриваемая нами проблема ВЦ, но и, в частности, проблемы глобалистики) — разорванность, внутренняя дихотомичность его картины мира сразу проявляется в постановке и в предлагаемых решениях проблемы.

Современная западная наука представляет собой гигантское капиталистическое предприятие по производству не столько новых научных фактов и теорий как таковых, сколько (хотя зачастую и опосредованно) новых способов получения прибавочной стоимости. Именно это обстоятельство оправдывает существование науки в глазах класса капиталистов и заставляет их вкладывать в ее развитие значительные средства. И хотя отдельно взятый капиталист предпочел бы, чтобы эти средства оборачивались как можно быстрее, перспективные классовые интересы вынуждают уделять внимание наряду с прикладными также и фундаментальным отраслям науки. Значительную роль в обеспечении функционирования научного производства берет на себя буржуазно-монополистическое государство, «амортизирующее» возможные неудачи в исследованиях и разработках и стимулирующее развитие исследований в наиболее важных направлениях. При этом «важность» направления определяется прежде всего его потенциальным вкладом в развитие военной техники и технологии. Милитаризация западной науки — процесс поступательный (уже в середине 60-х гг. 80% американских исследовательских фондов имели непосредственное отношение к различным военным ведомствам¹²) и оказывающий большое влияние не только на формы организации научных исследований, но и на мировоззрение ученых.

Следует, разумеется, учитывать и определенную степень самостоятельности («квазинезависимости») социального института науки в буржуазном обществе. Наука уже доказала свою необходимость и в силу этого может претендовать на заметную долю социальных благ, которыми располагает общество. В свою очередь общество вынуждено считаться с социально-экономическими запросами науки в целом и научного общества в частности и материально стимулировать последнее. Распределение этих благ в значительной мере зависит от научного истеблишмента — «верхнего слоя» научного сообщества, тесно связанного с большим бизнесом и государственной бюрократией. Дело не только в том, то социальная структура научного сообщества далека от меритократии²³. В современной «массовой» науке отдельный исследователь зачастую мало чем отличается от рабочего у конвейера. Он решает свою часть общей исследовательской задачи, лишь в самых общих чертах представляя себе задачу в целом. Однако при этом он все же занят научной деятельностью (пусть даже в «усеченном» виде). Поднимаясь по социальной лестнице науки, ученый отделяется от конкретных (лабораторных) исследований, но начинает лучше понимать проблему как целое. Избежать этого противоречия может лишь большой ученый, чье влияние на науку и общество определяется не местом в социальной структуре науки, а прежде всего его собственным интеллектуальным и духовным потенциалом. Но о массовости таких ученых говорить не приходится; да и большинство «текущих» научных проблем характеризует именно «количественная» сложность, которую можно преодолеть, расчленив проблему на отдельные задачи и распределив эти задачи между отдельными исследователями.

Привыкнув в процессе специальной подготовки видеть мир сквозь призму «своей» дисциплины, научный работник в процессе «частичной» практики еще более сужает поле своего зрения. Методы, эффективные при решении некоторых научных задач, представляются ему универсальными и почти независимыми от предметной области их приложения — достаточно лишь несколько переформулировать проблему в «удобном» направлении. Тот факт, что «переформулировка» междисциплинарной проблемы создает по существу другой предмет исследования, в подобном случае просто игнорируется.

Рассмотрим с этой точки зрения основные моменты, характеризующие мировоззренческую позицию западных ученых, изучающих проблему ВЦ, — вначале тех, кто в результате исследований пришел к выводу об отсутствии ВЦ в нашей Галактике. Впервые¹⁴ эта точка зрения была сформулирована М. Хартом¹⁵ в 1975 г. и в последующие 10 лет получила заметное распространение¹⁶. Наиболее активным и последовательным сторонником этого мнения является Ф. Типлер, в работах которого философско-методологические основания «неоантропоцентристской» концепции выступают с похвальной определенностью. Какие же это основания?

Прежде всего — *Мировоззренческий нигилизм* в стандартно-позитивистском обрамлении. Ф. Типлер не устает повторять, что концепция множественности обитаемых миров во Вселенной — не научная, а в первую очередь философская¹⁷. Это само по себе должно, видимо, заставить усомниться в ее ценности и содержательности. Сальвационистскую *трактовку* идеи существования ВЦ он выдает за одно из ее оснований¹⁸, а принятие и отрицание теологами этой идеи в равной мере использует как довод против ее научности¹⁹. Вклад Джордано Бруно в историю культуры сводится для Ф. Типлера к «вреду», который Дж. Бруно якобы нанес науке²⁰ (и за который, по всей видимости, был достойно наказан?). Выступление же епископа Э. Барнеса на собрании Британской ассоциации содействия развитию науки, в котором тот усомнился в гипотезе Джинса о происхождении Солнечной планетной системы и предложил использовать радиосвязь для установления контакта между различными обитаемыми системами²¹, на взгляд Ф. Типлера, — пример несправедливых нападок на науку со стороны религии²².

В той или иной степени нигилистический подход к мировоззренческим аспектам проблемы ВЦ характерен и для других сторонников «неоантропоцентризма». Пожалуй, в наиболее парадоксальной форме суть этого подхода выразил лорд Дуглас Барлохский²³. По его мнению, гипотезу о существовании ВЦ (и внеземной жизни вообще) следует отвергнуть на основе... принципа (бритвы Оккама). ВЦ — это те самые «излишние сущности», число которых «не следует умножать сверх необходимого». Здесь уже попытка уйти от постановки мировоззренческих проблем дает поистине неожиданные плоды, заставляющие вспомнить — только в еще более широком контексте — известные слова П. А. Флоренского о «заснавшейся интерпретации»²⁴.

Менее прямолинейное (но не менее определенное) отвлечение от мировоззренческой проблематики прослеживается в работе К. Сингера²⁵. Он четко формулирует исходные предположения (рабочие гипотезы), лежащие в основе радиопоисков ВЦ. Это 1) большое количество цивилизаций в Галактике; 2) появление значительной части этих цивилизаций 10^8 — 10^{10} лет назад на планетах с твердой оболочкой и гидросферой; 3) отсутствие в Солнечной системе колоний внеземлян в течение относительно недавнего геологического прошлого. Далее К. Сингер рассматривает процесс колонизации Галактики представителями какой-либо цивилизации по аналогии с колонизацией Полинезии (колонисты отправляются только к ближайшим планетным системам; освоив систему, они, точнее их потомки, высылают новые «ковчеги» к следующим мирам; процесс колонизации необратим; постепенно он охватывает все «подходящие» планеты) и показывает, что даже несколько КЦ способны полностью заселить Галактику за время, значительно меньшее, чем 10^9 лет (напомним, что возраст Галактики оценивается в настоящее время в пределах $1,5 \cdot 10^{10}$ лет). Этот вывод явно противоречит третьей рабочей гипотезе (об отсутствии внезем-

лян в Солнечной системе). Следовательно, одна из гипотез неверна. Какая именно?

К. Сингер детально анализирует мыслимые «запреты» на межзвездную колонизацию: 1) физический (межзвездные полеты технически невозможны); 2) временной («волна колонизации» еще не успела дойти до Солнечной системы); 3) «социологический» (ВЦ предпочли не колонизовать Галактику). Технические трудности дальних космических путешествий, как ему кажется, вполне преодолимы. Уже сейчас существуют предпосылки для создания замкнутых искусственных экосистем и ионных двигателей, которые могли бы перенести эти «ковчеги» со скоростью около 1000 км/с к иным планетным системам. (Полет с возвращением в этом смысле значительно труднее.) «Временное объяснение «работает» лишь в том случае, если наша цивилизация — одна из первых в Галактике, что сразу противоречит первой и второй рабочей гипотезам. Любое же «социологическое» объяснение (отсутствие интереса к колонизации или ее ограничение, самоуничтожение цивилизаций и т. п.) должно быть универсальным, т. е. применимым практически ко всем КД на всем протяжении их истории, чтобы «исключить» возможность колонизации с достаточной надежностью. На взгляд К. Сингера, оснований для допущения такой универсальности нет.

Можно, конечно, отвергнуть третью рабочую гипотезу. Но К. Сингер «не верит», что наука располагает какими-либо доказательствами противного²⁶. Во всяком случае, подчеркивает он, для проверки такого варианта следовало бы четко сформулировать альтернативное предположение и направить на его разработку часть усилий в области *СЕТИ*. Самым слабым звеном рассуждений, по его мнению, является первая рабочая гипотеза, допускающая существование в Галактике большого числа ВЦ. На самом деле, как он считает, их либо нет совсем, либо очень мало.

В целом работа К. Сингера отличается хорошим математическим аппаратом и четкой постановкой вопроса. Тем более интересно, что его выводы практически совпадают с выводами М. Харта (которые были получены на основе значительно более простых выкладок и рассуждений). Добавляет ли это что-нибудь к последним? Вряд ли, так как содержательные предпосылки расчета остаются прежними и помимо мировоззренческой слабости включают в себя то, что можно назвать *социально-философским нигилизмом*. Сложные социальные процессы в модели Сингера (как и в других подобных моделях) «упрощаются» до степени, лишаящей их реального значения. Средства деятельности (с помощью которых, в частности, возможна колонизация Галактики) отрываются от ее смысла и абсолютизируются²⁸. Но никакой экстенсивный, в том числе и экспоненциальный рост (населения, осваиваемых объемов космического пространства и т. д.) не может быть бесконечным. Он упирается в границы меры, за которыми должен перейти в иное качество, в свою противоположность, в интенсивное развитие, предполагающее экономное использование всех ре-

сурсов, в том числе и пространственных, разумное самоограничение ряда параметров развития во имя самого главного — обеспечения дальнейшего непрерывного прогресса. На этапе перехода от экстенсивного к интенсивному развитию цивилизации возникает задача рациональной экономии, ограничений и определенной «канализованности» прогресса по кардинальным его показателям и направлениям. Тем самым получается, что наиболее существенные параметры и закономерности развития должны выявиться именно на этапе интенсивного развития. Экстенсивный путь, по которому шло развитие человечества до сих пор, не следует продолжать на любые астрономические масштабы времени и пространства. Будущее любой цивилизации нужно понимать не как изобилие всего, в том числе и нерациональное изобилие, а скорее как неограниченный простор в главном, что присуще обществу и человеку, — развитию гуманистического начала.

Безусловно, прогноз развития цивилизации на сроки, выходящие за рамки известной истории человечества, — задача крайне сложная и вряд ли допускающая в настоящее время однозначное решение. Тем больше внимания должно при этом уделяться существенным закономерностям развития цивилизации и содержательному обоснованию тех или иных аналогий. Взять исторически конкретную ситуацию (заселение островов Тихого океана) и чисто механически «увеличить» ее до космических размеров (заселение Галактики)²⁹ — значит заранее примириться с искажениями и несообразностями подобной экстраполяции. Почему же, при том, что эти несообразности видны уже из результатов расчетов, сами расчеты сохраняют для западных ученых определенную степень убедительности? Причина, видимо, заключена в исторических основаниях социокультурного базиса современной научной метапарадигмы. Наука Нового времени родилась вместе с капитализмом как наиболее эффективное средство «ускоренного и все увеличивающегося производства прибавочной стоимости»³⁰. Будучи подсистемой (поначалу — только) капиталистической цивилизации, она впитала в себя опыт исторического развития последней, в частности — опыт ее экспансии по земному шару, и неявно (а порой и явно) рассматривает его как внеисторический «образец» деятельностного взаимодействия человека и мира. Отсюда, кстати, и беспорная близость между моделями «космической экспансии», уже полстолетия процветающими в западной фантастике и предложенными учеными в последнее десятилетие. Модели эти не выходят за рамки «колонизаторских» принципов: переселение на «подходящие» планеты, эксплуатация «неподходящих» и т. п. Соответствуя подсознательным стереотипам, которые впитываются практически каждым западным ученым в процессе общей и внутринаучной социализации, они носят скорее социально-психологический, чем рационально-научный характер. И тем труднее ученому поставить их под сомнение.

Оборотная сторона этих стереотипов — постоянная редукция проблемы ВЦ до уровня «технической головоломки». Бессспорно,

что возможность «быстрого» освоения Галактики решающим образом влияет на выбор моделей, которыми следует руководствоваться при поиске ВЦ. Модель «стабильной» популяции ВЦ, состоящей из цивилизаций, не выходящих за пределы своей планеты (или в крайнем случае — планетной системы) и лишь переговаривающихся между собой посредством тех или иных каналов связи, в значительной мере несовместима с «неустойчивой» моделью, в которой определенная часть цивилизаций осуществляет постоянную космическую экспансию. Но сделать выбор между этими моделями, оставаясь на уровне «технической головоломки», невозможно. Необходимо выйти на уровень социальных закономерностей, инвариантных для различных цивилизаций космоса. Однако средний западный естествоиспытатель привык относиться к социальным наукам (в той мере, в какой они рискуют выходить за рамки констатации эмпирических фактов и наиболее очевидных статистических зависимостей) с определенной степенью подозрения — а действительно ли это науки? Еще более трудно для него воспринять свой объект исследования с точки зрения социального и философско-социального подхода. Узкодисциплинарный принцип подготовки специалистов входит в конфликт с общенаучным характером проблемы ВЦ и заметно снижает продуктивность ее научного изучения.

Более того, даже выходя на социальную плоскость анализа этой проблемы, буржуазные авторы не в состоянии создать сколько-нибудь последовательную и убедительную концепцию. Причина проста и в какой-то мере совпадает со следствием: увидеть и выразить в теоретических понятиях социальную суть рассматриваемого объекта исследования (ВЦ) с позиций современной буржуазной философии и развиваемых на ее основе общественных наук невозможно, она от них ускользает. И вместо глубинного и сущностного анализа мы встречаемся либо с весьма абстрактными надуманными идеями, уже отвергнутыми марксистской философией, либо с абсолютизацией случайных черт и тенденций развития цивилизации.

Показательна в этом отношении дискуссия об АС-парадоксе («парадоксе Ферми» по терминологии, привычной для западных ученых), организованная на одной из конференций Британского межпланетного общества³¹. Ее участники, разделявшие мнение об одиночестве земной цивилизации во Вселенной, с равным успехом исходили из представлений как о ее типичности, так и о ее исключительности. А. Р. Мартин, к примеру, высказал мнение о том, что к концу текущего столетия в результате войн и экологических катастроф наш мир станет пустыней, населенной незначительным числом кочевников, забывших обо всех технических достижениях прошлого. Подобным образом «должны развиваться» и другие цивилизации³². Напротив, А. Бонд принял одиночество земной цивилизации в Галактике как постулат (а вернее как «очевидный» выход из всех имеющихся фактов) и заключил на этом основании, что вероятность возникновения разума на биологически ак-

тивной планете не превышает 10^{-7} . При этом он рассматривал разум с сугубо функциональной точки зрения — как хотя и эффективное, но редкое «средство выживания» вида — и «забывал» о развитии биологической формы движения материи (словно крокодилу просто легче развить хорошие зубы, чем «хороший» интеллект)³³. Дж. Уэбб не был столь категоричен в отношении общего числа цивилизаций в Галактике, но полагал вместе с тем, что на одну «живую» КЦ должны приходиться не менее десяти погибших. Цивилизация для него отождествляется с бюрократией и как таковая не пользуется особой симпатией. А поскольку не исключено существование в Галактике «нескольких молчаливых, незаметных, высокоразумных, очень опасных и агрессивных... цивилизаций», то, чтобы выжить, мы должны стать «еще более таковыми»³⁴.

Наличие в проблеме ВЦ существенной идеологической стороны естественным образом ведет к поляризации точек зрения в плане их прогрессивности и реакционности. Было бы, однако, опрометчиво однозначно отождествлять прогрессивную точку зрения с признанием возможности существования ВЦ, а реакционную — с отрицанием такой возможности³⁵. Важнее — на какой основе (идеологически прогрессивной или реакционной) базируется эта признания или отрицание. В § 1 главы I мы подчеркивали, что идея множественности обитаемых миров равным образом может основываться на представлении о неисчерпаемости материи и на представлении о всемогуществе и неисчерпаемости бога³⁶. Что касается отрицания существования ВЦ, то здесь ситуация несколько иная. Мы не можем привести никаких прогрессивных, т. е. диалектико-материалистических положений, из которых с определенностью следовала бы единственность земной цивилизации во Вселенной, но можем привести целый ряд положений, реакционных по своей сути и предполагающих именно такую единственность. Это и стандартный религиозный геоцентризм, еще не утративший своего влияния в буржуазном обществе, и отрицание наличия социальных законов, по которым живет и развивается общество, и утверждение о неизбежной гибели любой технически развитой цивилизации. Вместе с тем допустима и «идеологически нейтральная» платформа для данного тезиса — например, гипотеза о чрезвычайно низкой вероятности возникновения жизни на планете, что могло бы привести к практическому (если не принципиальному) одиночеству нашей цивилизации в Галактике или даже в местной системе галактик.

Понятно, однако, что приняв подобный тезис (на реакционной или нейтральной основе — неважно), ученый оказывается в тупике. Он, конечно, может продолжать пропагандировать свои взгляды в научной и научно-популярной печати, либо даже, в силу простой человеческой непоследовательности, участвовать в специальных конференциях, но исследование проблемы идет уже помимо него. В лучшем случае такой ученый выступает «адвокатом дьявола», удерживающим других исследователей от слишком.

оптимистических оценок состояния и перспектив работы. В худшем — он старается помешать этим исследованиям не только на идейном, но и на социальном уровне. Известна, например, многолетняя полемика в конгрессе США вокруг запрошенной на эксперименты по проблеме *СЕТИ* суммы в несколько миллионов долларов (ничтожной сравнительно с расходуемыми на военные программы, но вызвавшей негодование целого ряда конгрессменов). Как один из доводов против выделения этих денег приводился именно переход некоторых сторонников гипотезы о существовании ВЦ в ряды противников этой гипотезы.

Более существенную роль идеологические аспекты проблемы ВЦ начинают играть в процессе реального исследования, когда общая платформа (признание возможности существования ВЦ) уже определена и необходимо выбрать обоснованную стратегию поиска. В отличие от «стандартной» естественнонаучной проблемы, идеологические обертоны которой редко оказывают прямое влияние на ход и результаты исследования, общенаучная проблема с самого начала требует выбора правильной идеологической позиции. В противном случае даже строгие и внешне убедительные логические построения оказываются висящими в воздухе. Вопрос не в том, чтобы удовлетворить идеологическим требованиям, внешним для науки, и оправдать таким образом саму разработку проблемы; вопрос прежде всего в том, чтобы саму проблему поставить в соответствии с ее «объективной» структурой. Марксистско-ленинская идеология является идеологией научной, именно в этом ее основное отличие от всех разновидностей буржуазной идеологии, представляющих собой лишь ложные формы общественного сознания. Вот почему идеологический подход к проблеме ВЦ, если он осуществляется не только с правильных позиций, но и правильным образом, неотъемлем от собственно научного развития проблемы. Правильная идеологическая позиция сама по себе не гарантирует успешного решения междисциплинарной проблемы; но отсутствие правильной идеологической позиции неизбежно приведет к долгим и бесплодным блужданиям среди формально непротиворечивых, но и несовместимых между собой логических конструкций.

Подводя итоги нашего анализа, следует отметить, что западные ученые, прежде всего астрофизики и радиоастрономы, внесли значительный вклад в развитие проблемы ВЦ. Сведение ее к задаче установления канала межзвездной связи (в работах начала 60-х гг.) позволило современной науке ассимилировать эту проблему и начать практические поиски ВЦ. Однако дальнейшее развитие событий (и прежде всего формирование и необходимость преодоления АС-парадокса) потребовало глубокой разработки философских и социально-философских оснований проблемы. В силу причин, о которых говорилось выше, западная наука не смогла далеко продвинуться в этом направлении. «Привычный» же путь формального моделирования тех или иных процессов, важных для постановки проблемы, привел лишь к резкой поляри-

зации мнений в среде специалистов. Техницистский, несущественный подход к проблеме ВЦ оказался, таким образом, в тупике, что яснее всего проявилось в попытках вернуться к идее единственности земной цивилизации во Вселенной.

Далее мы покажем, что «антисциентистский» подход к проблеме ВЦ также не может способствовать ее решению, вырождаясь зачастую в подход антинаучный. Достижения и методы естественных наук необходимы, но сами по себе недостаточны для правильной постановки и решения проблемы, которая по своей сути не является чисто (или даже преимущественно) естественнонаучной. Непонимание этого обстоятельства, попытки игнорировать философский, социальный и гуманитарный аспекты проблемы либо использовать при рассмотрении этих аспектов явно неадекватные методы, типичны для значительной части западных исследователей проблемы ВЦ. Фетиш сциентизма порождает своеобразные «научные суеверия», порой трудноотличимые от серьезных научных концепций по своему оформлению, но далекие от подлинной научности по содержанию.

§ 2. По ту сторону науки

Обратимся теперь к особенностям мировоззренческой и методологической позиции тех западных ученых, которые в результате анализа АС-парадокса пришли к выводу о возможности реального присутствия внеземлян в Солнечной системе и — в прошлые геологические и исторические эпохи — на нашей планете.

Ученый, сделавший подобное допущение, оказывается в довольно сложном положении. Во-первых, обычно он не является специалистом-историком или геологом и в силу этого лишь поверхностно знаком с представлениями этих наук о прошлом Земли и человечества. Во-вторых, ему известно, что предположение о палеовизите лежит в основе ненаучной «теории древних астронавтов», а следовательно, и само по себе имеет оттенок ненаучности. В-третьих, он знает, что факты, предложенные сторонниками «теории древних астронавтов» в качестве возможных следов инопланетян, были отвергнуты специалистами, да и на взгляд исследователей проблемы ВЦ они не имеют отношения к палеовизитам³⁷. В итоге у такого ученого нет иного выхода, чем спроецировать систему понятий и логику, в которой он моделировал «современную» колонизацию Галактики, в прошлое и в той или иной форме повторить уже сделанные выводы. К примеру, Дж. Брин предположил, что «Меловая катастрофа», радикально изменившая структуру земной биосферы около 65 миллионов лет назад (погибли многие виды животных, начиная с динозавров и кончая целым рядом морских микроорганизмов), могла быть связана с «концом эпохи колонизации, возможно — с последней войной, которую поселенцы вели посредством астероидов, очистивших по-

верхность Земли от высших форм жизни и вернувших нашу планету к предшествовавшему колонизации состоянию»³⁸.

Поскольку «остатки городов поселенцев» должны теперь находиться под астроблемами, доказать эту гипотезу трудно; по существу же она ничем не отличается от стандартных «сценариев» межзвездной колонизации. Примечательно, однако, что Дж. Брин избегает говорить о возможных конкретных следах предыдущих «заселений» Земли (помимо «Меловой катастрофы», он упоминает в том же контексте еще четыре случая массовой гибели живого на нашей планете — в конце девонского периода, на границе между пермским и триасовым периодами, и др.). Рассуждая отвлеченно, указанный автор остается в рамках науки; попытавшись сказать что-либо более определенное, он оказался бы в опасной близости от «теории древних астронавтов». Аналогичной тактики придерживаются Дж. Фостер³⁹, считающий, что следы возможных посещений инопланетянами Солнечной системы разумнее искать на безатмосферных спутниках и планетах, чем на Земле или на других планетах с атмосферами (где они были бы сглажены эрозией), М. Папажианнис⁴⁰ и ряд других ученых. Их легко понять. Научные принципы поиска следов палеовизита находятся пока на стадии становления⁴¹; практические же поиски таких следов по существу «монополизированы» сторонниками «теории древних астронавтов» и ведутся на уровне, весьма далеком от научной строгости.

Выше мы уже касались вопроса о содержании и основных недостатках «теории древних астронавтов»⁴². Эта «теория» получила свое организационное оформление в 1973 г., когда по инициативе американского юриста Дж. М. Филлипса было создано международное Древнеастронавтическое общество (ААС)⁴³. По положению оно представляет собой «безоходную корпорацию, организованную исключительно в научных, литературных и просветительских целях». Основные задачи ААС — «установить, посещалась ли Земля в древности внесемными существами и существовала ли на нашей планете развитая працивилизация»⁴⁴. К настоящему времени членами общества являются практически все авторы «популярных» книг по «теории древних астронавтов» и несколько тысяч человек из 70 стран мира, посвящающих часть своего времени изучению этой проблемы. В частности, организуются экскурсионные поездки и экспедиции членов общества в места, представляющие для них исследовательский интерес (в Тиагуанако, на остров Пасхи, в Паленке и т. п.). ААС проводит ежегодные всемирные конференции и выпускает специальный бюллетень «Ancient Skies».

Характерно, что постоянно призывая к научному обоснованию «теории древних астронавтов», Дж. М. Филлипс в то же время подчеркивает открытость общества для «неспециалистов». «...Участие в работе ААС не требует никакой специальной подготовки или звания — нужен только непредвзятый и пылкий ум»⁴⁵. Научное сообщество в лице своих наиболее догматических представителей

пытается якобы дискредитировать «теорию древних астронавтов», рассматривая «свои» теории как истину в последней инстанции и отвергая любые противоречащие им взгляды. В число последних попадают и теории, пользующиеся «большим успехом у широкой публики». Поэтому главная задача Древнеастрономического общества — предоставить трибуну сторонникам этих «популярных» концепций о происхождении человечества и человеческой цивилизации⁴⁶.

«Конфликт» ААС с научным сообществом (а равно и с прессой, долгое время весьма скептически относившейся к деятельности энтузиастов «теории древних астронавтов», а в последние годы и просто теряющей к ней интерес) отнюдь не случаен. Заметим, что вопреки распространенному мнению разработка этой «теории» ведется не только дилетантами, но и специалистами в той или иной области науки и техники. Из примерно 70 докладчиков, выступивших на уже состоявшихся всемирных конференциях Древнеастрономического общества, более половины составили ученые и инженеры. Это, однако, не меняет того бесспорного обстоятельства, что «теория древних астронавтов» относится к сфере не науки, а паранауки.

Многие авторы используют данный термин без особого уточнения его содержания, просто как обозначение тех концепций, которые представляются им ненаучными по сути и наукообразными по форме. Между тем, пара- (она же псевдо-, она же девиантная) наука — достаточно сложное и неоднозначное явление культуры, требующее правильного понимания и серьезного изучения⁴⁷. Во всяком случае, говоря об этом явлении, следует четко представлять, что же имеется в виду.

Сам термин «паранаука» предполагает, что его носитель вторичен по отношению к науке, светит, так сказать, отраженным (и искаженным) светом. Впрочем, «отраженный свет науки» заметен и на других явлениях культуры — просто в силу центрального положения научной системы познания в современной земной цивилизации. Хотя общая познавательная система, выработанная человечеством на протяжении его истории, не сводится к науке, допустимо дихотомически разделить ее на две «части»: науку и не-науку. В последней выделяются такие составляющие, как «вне-наука» (иным образом отражающая объективную реальность и поэтому в принципе совместимая с наукой, в частности искусство) и «анти-наука» (несовместимая с ней, продуцирующая ложные образы действительности и являющаяся «познавательной системой» лишь в представлении ее приверженцев, к примеру, оккультизм).

В предыдущих главах мы неоднократно затрагивали вопрос о сущности и структуре научно-познавательной деятельности. Центральной составляющей науки как социокультурной системы выступает научное сообщество (непосредственный субъект научного познания), состоящее из специалистов. В идейном отношении это сообщество конституируется метапарадигмой, основанной на науч-

ном методе познания. Отдельная область исследования имеет свою собственную парадигму, управляющую процессами постановки и решения специальных научных проблем.

В социальном отношении научное сообщество скрепляют преимущественно извне — система финансирования науки и преимущественно изнутри — система специальной подготовки. Сообщество располагает средствами научно-познавательной деятельности, включая столь существенную их часть, как система научных публикаций. Если статья с изложением хода и результатов исследования опубликована в научном журнале или сборнике, это означает, что она прошла через фильтры, подтвердившие ее соответствие идеалам и стандартам науки⁴⁸. Хотя «фильтрация» осуществляется редакторами и рецензентами не столько на основе «идеалов», сколько на основе «других научных текстов» (рассматриваемых как эталонные), а иногда — и на основе собственных предубеждений, статья может рассматриваться как научная лишь в том случае, если она опубликована в одном из научных изданий. (Мы не касаемся здесь вопроса о принципах выделения таковых.).

Помимо науки и не-науки существует, однако, своеобразная «промежуточная» подсистема — паранаука, которая, с одной стороны, по утверждению ее адептов, базируется на методах исследования, близких к научным, но с другой — сильно засорена элементами ненаучных (обыденных, мифологических и пр.) представлений о мире и строго отделена от науки в социокультурном отношении. Вместе с тем ее нельзя безоговорочно отнести и к антинауке (если исключить эмоциональные оценки): субъективно паранаука все же тяготеет к науке. К этой подсистеме относятся парапсихология, уфология, атлантология, «теория древних астронавтов» (или «преастронавтика») и ряд других «околонаучных» областей исследования.

Структура паранауки в известной мере воспроизводит структуру науки, но ее методологические критерии решающим образом ослаблены сравнительно с научными. Паранаука не имеет никакой *метaparадигмы* в своей основе; кроме того, парадигма отдельной паранаучной области строится иначе, чем научная парадигма. Паранаучное сообщество не столько исследует проблему, сколько пытается доказать определенное ее решение, уже «найденное» в форме некоторой гипотезы (которая не признается наукой и зачастую не является научной в принципе). Таким образом, научная парадигма видна в *постановке* проблемы, а паранаучная — в ее заранее данном решении.

Другие компоненты паранауки также несут содержание, не тождественное содержанию соответствующих компонентов науки. Так, система подготовки «параспециалистов» есть система «рекрутирования» их из иных областей человеческой деятельности и познания. При этом специалистом становится каждый, кто разделяет «парадигмальное решение» и на осмысленном уровне выражает свое мнение в печати. Тем не менее весьма желательно

для «параспециалиста» иметь весомый статус (подкрепленный любым дипломом, званием, степенью) и вне паранауки, в науке. Паранаука как бы заимствует иерархию науки, дополняя ее своей собственной иерархией (которая базируется на количестве паранаучных публикаций, их тираже и цитируемости).

Член паранаучного сообщества не «настоящий» специалист не только по причине неподходящего образования (обычно и в научных областях «переднего края» система подготовки специалистов не налажена в соответствии с общенаучными нормами), но и в финансовом отношении. Он не получает за свою работу денег из общественной системы финансирования науки. Собственно же «паранаучные» средства в основном дает массовая продажа паранаучных изданий.

Не будучи ограничена метапарадигмой, паранаука, вообще говоря, легче позволяет генерировать нестандартные идеи, чем наука. (Естественная расплата за это — большое количество идей не только нестандартных, но и просто абсурдных.) Поэтому даже если какая-то проблема воспринята и разрабатывается наукой, «серьезная паранаука» может быть в определенной мере полезна. Но «серьезность» ее не следует переоценивать. Генерируя идеи, паранаучное сообщество не в состоянии организовать их отбор и всестороннюю проверку. Паранаука может поставить вопрос, который обходит своим вниманием наука, предложить ответ на него и предварительные доводы в пользу этого ответа; но она не может доказать справедливость предложенного решения строго, то есть научно. Для науки бывает нелегко поставить вопрос, противоречащий принятой парадигме, но будучи поставлен, он решается с помощью серьезных, проверенных, продуктивных методов исследования.

Что касается обстоятельств возникновения отдельной паранаучной области исследования, то здесь возможны различные ситуации, однако наибольший интерес представляет, на наш взгляд, вариант «вытеснения» парадигмальной постановкой научной проблемы своих конкурентов за рамки науки. Именно так возникла «теория древних астронавтов»⁴⁹. Паранаука, таким образом, может являться естественным резервуаром вытолкнутых из науки или еще не вошедших в науку, но не потерянных для нее идей. Вместе с тем, иногда паранаучная разработка проблемы мешает ее научной разработке, способствуя формированию внутри науки некоторой «зеркальной» структуры — «внутринаучной паранауки», объединяющейся вокруг отрицания решения, которое защищает паранаука.

Подобная ситуация и сложилась вокруг проблемы палеовизита. Наука проявила интерес к ней не под влиянием паранауки, а только в результате рассмотрения АС-парадокса. Палеовизит оказался теоретически вполне допустимым явлением; но многие исторические источники, представляющие интерес с этой точки зрения, уже фигурируют в паранаучной «теории древних астронавтов». Логично было бы попытаться разработать научные методы

поиска и анализа подобных источников и применить эти методы в реальном исследовании. Но опасения методологического плана (мало кто из исследователей проблемы ВЦ профессионально знаком с методологией социальных и гуманитарных наук) подкрепляются в данном случае опасениями «статусного» характера. Как специалист современный западный ученый весьма зависим от мнения коллег и — особенно — научного истеблишмента. Серьезный конфликт в отношении принципиальных вопросов — что и как должна изучать наука? — легко может отразиться на всей его дальнейшей профессиональной карьере⁵⁰. В итоге самая «безопасная» политика здесь — оставаться в рамках задач и методов, уже прошедших определенную апробацию в науке, даже если эти рамки для новых проблем явно неадекватны.

С другой стороны, ученые, выступающие сторонниками «теории древних астронавтов», зачастую в своих рассуждениях не поднимаются выше уровня паранаучного подхода к проблеме. Так, американский философ Л. Навиа, анализируя эту «теорию», отметил, что она принципиально проверяема, логична и «проста» (в оккамовском смысле), а следовательно — ее нельзя отбросить без рассмотрения⁵¹. В отношении «базисного» предположения о палеовизите это, безусловно, верно, но «теория древних астронавтов» к гипотезе о палеовизите не сводится. Специфика ее заключается скорее в попытке доказать это предположение методами вненаучного «здорового смысла», в отвлечении не только от необходимых новых методов анализа, но и от научной методологии как таковой. Поэтому утверждать, что в «теории древних астронавтов» «нет ничего, что противоречило бы строжайшим нормам научного мышления»⁵² — просто неверно. Конкретные разработки сторонников этой «теории» зачастую противоречат даже минимальным нормам науки.

Столь же спорно утверждение Л. Навиа о том, что ученые отвергают «теорию древних астронавтов», исходя из «общего духа консерватизма», свойственного науке⁵³. Хотя научный консерватизм — явление вполне реальное (положительное или отрицательное — зависит от сложившейся ситуации), его роль в оценке «преастронавтики» зачастую преувеличивается сторонниками последней. Отрицательное отношение ученых к паранауке в целом — скорее проявление «инстинкта самосохранения» науки (как социокультурной системы, обладающей известной организационной самостоятельностью и эпистемологической определенностью), чем результат «сознательного» анализа предложенных на рассмотрение фактов и гипотез. Если паранаука, критикуя науку за «догматизм», в то же время постоянно стремится сблизиться с ней и высоко ценит поддержку отдельных ученых, то научное сообщество, напротив, тщательно избегает любых идейных контактов с «параспециалистами», отвергая попытки ввести в науку «ослабленные» критерии рационального подхода к действительности⁵⁴.

«Доброжелательное» отношение Л. Навиа к «теории древних астронавтов», таким образом — скорее исключение; вместе с тем

прямолинейность его подхода довольно показательна. В своем анализе он руководствуется нормами логического позитивизма⁵⁵ и видит в «теории древних астронавтов» прежде всего осмысленное и принципиально проверяемое высказывание. Это центральное и по существу единственное значимое утверждение всех публикаций Л. Навиа на данную тему. Обладая опытом научной деятельности, он достаточно осторожен в отношении «преастронавтического» объяснения конкретных фактов и предпочитает общеметодологические оценки: «теория древних астронавтов» в настоящее время не является доказанной⁵⁶; она нуждается в очищении от «религиозных обертонов»⁵⁷; чтобы доказать эту теорию, необходимо проделать большую исследовательскую работу⁵⁸. Все это справедливо, если не сказать — тривиально; в итоге же столь верных рассуждений Л. Навиа возносит Э. фон Деникена (автора наиболее популярных книг по «преастронавтике») до уровня «нового Коперника»⁵⁹.

Основной методологический недостаток всех построений этого американского философа (проистекающий из упрощенно-позитивистского подхода к проблеме и лежащий в основе всех прочих недостатков) — неразличение: 1) базового предположения о палеовизите; 2) области исследования, конституируемой (мета-) постановкой проблемы палеовизита⁶⁰; 3) «теории древних астронавтов» как специфически паранаучной «проекции» этой проблемы. Вот почему, несмотря на профессиональную принадлежность к научному сообществу, Л. Навиа в своих «преастронавтических» рассуждениях остается в рамках паранауки и формально, и по существу. «Теория древних астронавтов» сужает область исследований до «гипотезы», и любые попытки объективного подхода к проблеме палеовизита блокируются исходной установкой на доказательство уже «найденного» (априорно положительного) решения проблемы.

Еще более заметен отход от принципов научной методологии в серии статей американского инженера С. Гринвуда, опубликованной в бюллетене Древнеастронавтического общества и напоминающей скорее научную фантастику, чем собственно науку. По его мнению, человек «не вписывается» в эволюцию земной биосферы, а значит он либо прибыл с иной планеты, либо был искусственно создан высокоразвитой цивилизацией. Первоначальным местом обитания этой ВЦ могла быть Венера⁶¹. Ранее атмосфера Венеры напоминала земную, но геологическая катастрофа (резкое возрастание интенсивности вулканических извержений) изменила условия на планете и заставила ее жителей искать спасения на Земле⁶². Венерианские ученые сконструировали межпланетные корабли для полета без возвращения и обосновали возможность выживания в новом мире и адаптации к его условиям.

С. Гринвуд детально описывает посадочные аппараты венерианских кораблей — подобные, с одной стороны, «шаттлам», а с другой — золотым «птичкам» из Колумбии, которые А. Т. Сэндерсон интерпретировал как модели-копии самолетов⁶³. «Основной

недостаток в интерпретации Сэндерсона — отсутствие у этих моделей двигателей. Однако затупленные носы у нескольких подобных артефактов, так же, как и отсутствие двигателей, по-видимому, говорят о том, что они представляли собой грузовые корабли, предназначенные исключительно для посадки на Землю»⁶⁴.

Технические интерпретации колумбийских «птичек» могут быть предметом дискуссии (хотя, разумеется, предварительно следовало бы поинтересоваться мнением специалистов-историков об их происхождении и функциональном назначении). Но трудно все-таки отнестись к утверждениям С. Гринвуда о том, что египетские пирамиды представляют собой изображения вулканов Венеры⁶⁵, сфинкс указывает направление старта космического корабля⁶⁶, а в архитектурных комплексах Теотихуакана «зашифрована» схема Солнечной системы и «спрямленная» траектория полета с Венеры на Землю⁶⁷. Предположение о том, что современная атмосфера Венеры возникла геологически недавно, также не подкреплено фактами.

Известно, что в междисциплинарных исследованиях право сомневаться в положениях той или иной науки принадлежит исключительно представителям этой науки⁶⁸. Возможно, этот тезис нуждается в определенном «смягчении»: чтобы сомнения в положениях некоторой науки могли рассматриваться серьезно, они должны быть *поддержаны* специалистами в этой области. (В данном случае важно социальное подтверждение «гносеологического статуса» специалиста. Высказывать же сомнения не возбраняется никому: со стороны иногда виднее). Но именно этот принцип отвергается паранаукой. Генерирование идей происходит на основе весьма поверхностного знакомства с предметной областью исследования, и в результате отдельные разумные предположения теряются на фоне «шума». Более того, сам подход к историческим источникам с позиций гипотезы о палеовизите дискредитируется в глазах историков и археологов, делая серьезное рассмотрение представленных аргументов практически невозможным.

При этом даже хорошее качество приводимых фактов зачастую не спасает положения. Уровень «паранаучного анализа» этих фактов остается настолько низким, что сводит на нет достоинства исходного материала. Например, Г. Ш. Беллами, прочитав книгу Р. Темпля «Тайна Сириуса», понял важность информации, содержащейся в мифологии догонов, и опубликовал соответствующую статью⁶⁹. Но подошел он к этой информации весьма легковесно. Для Г. Ш. Беллами астрономические аспекты и контактные мотивы догонской мифологии — только лишний довод в пользу «идей фон Деникена», а последние более чем достаточны, чтобы объяснить любые загадки истории.

«Догонские мудрецы... утверждают, — пишет Г. Ш. Беллами, — что в то время, когда впервые были замечены странные объекты, в небе появилась звезда, называвшаяся Амма (очевидно — межзвездный корабль...), с которой на Землю спустился Номмо (очевидно — ракетный спускаемый аппарат). В этих «челноках» на-

холились «существа-амфибии» (явно носившие космические скафандры). <...> [Они] пришли «с одной из планет системы Сириуса»⁷⁰. На самом деле Амма — не название звезды, а имя догонского бога — творца Вселенной. Равным образом, Номмо — не «ракетный корабль», а культурный герой догонской мифологии, который доставил на Землю предков людей и все необходимое для их жизни. Наконец, догоны вовсе не утверждают, что Номмо явился из системы Сириуса. Только о «бледном лисе», Йуругу — трикстере догонской мифологии — говорится, что он «прибыл со звезды По»⁷¹.

Но более всего удивляет призыв Г. Ш. Беллами, адресованный «группе хорошо подготовленных и заинтересованных ученых, желательно — убежденных в идее древних астронавтов или как минимум свободных от предвзятостей старых научных школ», «немедленно» отправиться в страну догонов. Цель «экспедиции» — подтвердить сообщения М. Гриоля и Ж. Дитерлен и собрать дополнительный материал, который мог пройти мимо внимания этих исследователей, якобы рассматривавших догонские мифы как «фантастические измышления жрецов примитивного племени»⁷². Не говоря уже о том, что М. Гриоль и Ж. Дитерлен никогда не подходили к мифологии догонов как к «примитивным измышлениям», а напротив, видели в ней проявление высокой духовной культуры африканских народов, реализация этого замысла парадоксальным образом привела бы лишь к его крушению. Материал, собранный «свободными от предвзятостей» «сторонниками идеи древних астронавтов», был бы в глазах других ученых малодостоверен сам по себе и скорее уменьшил бы, а не увеличил, ценность уже имеющейся информации.

В работах Г. Ш. Беллами мы имеем дело с интересным — хотя и не столь уж редким — случаем «миграции» исследователя из одной паранауки в другую. Г. Ш. Беллами в свое время выпустил несколько книг по атлантологии⁷³. С появлением «преастронавтических» публикаций, зачастую базирующихся на тех же фактах, с помощью которых атлантологи доказывали существование неизвестной высокоразвитой цивилизации в истории Земли, он обратился к новой для себя тематике с привычным багажом идей и методов. И этот багаж оказался вполне соответствующим «теории древних астронавтов»⁷⁴. Причина — не только пересечение «эмпирических базисов», но прежде всего — совпадение познавательных норм различных паранаук. Те члены паранаучного сообщества, которые в профессиональном отношении являются учеными, стараются избегать в своих построениях слишком резкого конфликта с научной методологией. Но «параисследователь», не получивший никакой специальной подготовки, обычно не чувствует этих границ и в лучшем случае руководствуется «обыденными» стандартами последовательного и доказательного рассуждения. Отсюда и основные черты «главного потока» публикаций по «теории древних астронавтов»:

1) *Поверхностное знакомство с фактами истории и методами исторического познания.* В результате из книги в книгу кочуют «следы палеовизита», которые либо недостоверны, либо легко объяснимы без помощи пришельцев из космоса. К. недостоверным «следам» можно отнести, в частности, сведения о «металлической библиотеке», хранящейся в пещерах Эквадора и содержащей информацию о «космическом прошлом» человечества⁷⁵; историю с «дисками Байян Кара Ула», якобы найденными в Китае и повествующими о визите инопланетян⁷⁶; многочисленные утверждения о существовании в джунглях Амазонки «затерянного города» Акахим, в подземельях которого находятся вземные артефакты⁷⁷, и многое другое.

Что касается реально существующих «следов», то крайне маловероятно, что египетские пирамиды, Баальбекская терраса, мегалитические постройки в различных точках земного шара, статуи острова Пасхи или рисунки на плато Наска имеют какое-либо отношение к визиту из космоса. Сторонники «теории древних астронавтов» трактуют в свою пользу любые сомнения по поводу техники постройки или же функционального назначения того или иного исторического памятника. Если же это не помогает, они просто спрашивают: «А могут ли ученые показать, что данное сооружение не воздвигнуто пришельцами?» Ученые это доказать могут⁷⁸; но доказательства повисают в воздухе, ибо никак не воздействуют на задающих вопрос. Защитный пояс вспомогательных предположений в «теории древних астронавтов» рационально преодолеть невозможно: он убедительно (с точки зрения сторонников этой «теории») преобразует любые контрдоводы в нейтральные или даже в подтверждающие примеры⁷⁹. Конечно, зачастую критика «преастронавтических» построений бывает даже излишня — они, как говорят англичане, «рушатся под грузом собственных достоинств»⁸⁰. Но в целом «теория древних астронавтов» — не просто фикция, а скорее один из вариантов неверного подхода к глубокой и серьезной проблеме. Именно это заставляет уделять ей внимание с методологической точки зрения. И в этом отношении существенна еще одна особенность работ в области «преастронавтики»;

2) *Отсутствие каких-либо специальных (палеовизитологических) методов анализа,* ориентация на внешнее сходство «следов» с объектами и ситуациями, заимствованными из сегодняшней деятельности человечества или из научно-фантастической литературы. Более того, практически никто из представителей «преастронавтики» не осознает необходимости разработки таких методов. Это не случайно. На словах выступая за развитие научных исследований по проблеме палеовизита, сторонники «теории древних астронавтов» на деле весьма осторожно относятся к таким попыткам и пытаются включить их в сферу своего влияния. Этому, разумеется, способствует и «непримиримая» позиция некоторых ученых по отношению к самой проблеме палеовизита, объективно толкающая ее исследователя навстречу паранауке⁸¹, но в данном

случае существенно другое. Расширение научных исследований проблемы палеовизита сделало бы «преастронавтику» в значительной мере ненужной; низвело бы ее до положения «генератора вненаучных альтернатив», играющего по отношению к науке роль сугубо вспомогательную.

Пока же «теория древних астронавтов» претендует скорее на центральное положение в изучении проблемы. Традиционные интерпретации подменяются «очевидными» (с точки зрения сторонников этой «теории» легко) подстановками: мифы — «зашифрованная история»⁸²; разумный «царь обезьян» Хануман в «Рама-яне» — результат генетического эксперимента внеземлян⁸³; дольмены — подражания противоатомным убежищам (которые опять-таки строили внеземляне)⁸⁴; надписи на дощечках «кохау ронгоронго» сделаны внеземлянами⁸⁵ и т. д. Понятно, что на фоне столь «простого» решения любых исторических проблем сложные и неоднозначные построения ученых-историков, археологов, лингвистов выглядят для «среднего» читателя преастронавтической литературы попыткой запутать его и увести в какие-то дебри. Рецензент бюллетеня «Ancient Skies» на немецком языке искренне похвалил одну из недавних книг по «теории древних астронавтов»: отметив, что эта книга «читается с интересом», ибо «в ней нет балласта излишней научности»⁸⁶.

Не следует, впрочем, думать, что возражения, которыми западная наука встретила появление «преастронавтики», носят исключительно рациональный характер и направлены на выяснение истины. Здесь также господствует преимущественно паранаучный (в смысле «зеркальной» внутринаучной паранауки) подход к обсуждаемой проблеме. «Символ веры» в данном случае — отрицание палеовизита как возможной исторической реальности (оговорки типа «принципиально нельзя исключить» играют скорее «косметическую» роль; в последнее время они встречаются все реже, а невозможность палеовизита все чаще выводится прямо из утверждения об единственности земной цивилизации в Галактике или даже Метагалактике). Этот априорно отрицательный ответ на «основной вопрос палеовизитологии» и образует «твердое ядро» генерируемой программы исследований (если слово «исследования» вообще приложимо к действиям с предопределенным результатом). Трудно упрекать науку в целом за стремление оградить свойственные ей идеалы и нормы познавательной деятельности от влияния паранаучных концепций; но можно и должно упрекнуть отдельных ученых, вставших на позицию априорного отрицания, за их собственный отход от принципов научной рациональности.

Показательна в этом отношении дискуссия вокруг проблемы астрономических знаний догонов, развернувшаяся после выхода из печати работ Р. Темпля⁸⁷. Предметом дискуссии оказались не знания догонов и даже не то, какая именно гипотеза лучше всего объясняет наличие этих знаний, а скорее — какую из одинаково недоказанных гипотез легче принять на веру. Таковой оказалась

«гипотеза миссионера», выдвинутая И. Роксбургом и И. Уильямсом⁸⁸. Согласно этой гипотезе, можно допустить, что поклонение Сириусу перешло к догонам от древних египтян. «...Вскоре же после открытия Сириуса *B* некий миссионер, исследователь или представитель французских властей случайно или намеренно встречается с этим поклоняющимся Сириусу племенем и решает снабдить их дополнительной информацией об их боге. Он мог даже иметь с собой телескоп..., который использовал для демонстрации спутников Юпитера и колец Сатурна. Догоны быстро включили бы эту информацию в свою религию, так что к тридцатым годам, когда их начали исследовать антропологи, знание о Сириусе *B* уже стало бы неотъемлемой частью их традиционных верований»⁸⁹.

В § 3 главы VII мы уже обсуждали те фактические несоответствия, с которыми сталкивается эта гипотеза⁹⁰. Здесь нас интересуют, однако, не доводы против нее, а скорее причины, по которым она принимается как вполне вероятная, *несмотря* на эти доводы. Хотя эти причины не носят рационально-научного характера, они по-своему логичны. Образно говоря, характер обсуждения проблемы палеовизита определяется в настоящее время силовым полем между двумя полюсами одного и того же «магнита» — паранаучной «теории древних астронавтов» и не менее паранаучного по сути (хотя и значительно более наукообразного по форме) «рефлекторного» отрицания проблемы. Практически любое высказывание, имеющее отношение к этой теме, сразу движется (и «сдвигает» его автора) к тому или иному «полюсу». Но если паранаучность отрицания сугубо гносеологична и не связана ни с какими возможными последствиями социального плана, то паранаучность утверждения проявляется также и на социальном уровне. Ученый, имеющий очень высокий (или, наоборот, очень низкий) статус в научном сообществе, может не обратить на это внимания: первому не повредит, второму все равно; но «промежуточный» — весьма обширный слой научных работников предпочтет, безусловно, отрицание.

Это еще раз подтверждает наш вывод о том, что обсуждение проблемы палеовизита в рамках полемики между сторонниками и противниками «теории древних астронавтов» не может быть продуктивным⁹¹. Только выход за эти рамки и переход к изучению проблемы на серьезной теоретико-методологической основе создадут возможности для реального прогресса в ее решении. Однако в западной научной и философской литературе трудно найти признаки освобождения от паранаучных стандартов подхода к проблеме палеовизита. Порой кажется, что сложившаяся ситуация устраивает обе стороны: защитников «теории древних астронавтов» — потому, что они «монополизируют» изучение вопроса о древних визитах из космоса, а их противников — потому, что они могут отвергать любые доводы, не особенно углубляясь в существо вопроса. К примеру, американский физик К. Брежер высказал сомнения в научной добросовестности М. Гриоля и предположил, что астро-

номические знания догонов были разыгрываемы⁹². Однако авторитетный для К. Брехера ученый заверил его в серьезности М. Гриоля и Ж. Дитерлена. Тогда он обратился к «гипотезе миссионера» как наиболее вероятному объяснению знаний догонов. Но и здесь антропологи заявили К. Брехеру, что «культурные заимствования такого рода... пожалуй, не могли иметь места: по их словам, исключено, чтобы миссионеры, этнографы и т. п. были в состоянии внедрить современные представления в ядро священной традиции...»⁹³

Мнение специалистов заставило К. Брехера предложить на смену «гипотезе миссионера» «вероятностную» гипотезу: чисто случайное совпадение между цифрами догонской астрономии и реальными характеристиками системы Сириуса⁹⁴. Предвидя возражения, К. Брехер готов допустить, что 2000 лет назад Сириус *B* еще был красным гигантом, и визуальные изменения в цвете и яркости Сириуса могли навести догонских жрецов на мысль о строении этой звездной системы и ее динамике⁹⁵. В данном случае «груз достоинств» последовательно предложенных объяснений явно слишком велик, и комментарии излишни. Заметим только, что корни подобных построений — не столько в определенных недостатках «реальной науки» (которых она, как и любая другая «живая» система, не лишена, в отличие от идеализированных абстрактных моделей, все еще бытующих в работах по методологии научного исследования), сколько в самом существовании «преастрономии» и активных попытках ее сторонников доказать преимущества паранаучных норм познавательной деятельности перед нормами научными. Наука выработала свои нормы в процессе долгого и трудного развития и не может приносить результаты этого развития в жертву методологически беспомощным концепциям.

Еще заметнее паранаучный характер «теории древних астронавтов» проявляется в процессе ее освоения массовым буржуазным сознанием. На место взезных космонавтов приходят «технизированные боги» космического века. Хотя и можно согласиться с мнением Дж. Дженнинга о неизбежности идейного конфликта между традиционными религиями и квазирелигиозным пониманием утверждений «преастрономии»⁹⁶, в этом конфликте ни одна из сторон не является «правой».

Определяющим фактором в процессе формирования «поп-религий» выступают, конечно, социальные и социокультурные условия жизни в капиталистических странах. Но свою лепту внес сюда и научный истеблишмент, отказавшийся рассмотреть проблему палеовизита в ее научно значимых аспектах с необходимой серьезностью и ответственностью. Ученые, сетующие сейчас на склонность западного обывателя к мистике и иррационализму, по существу способствуют этой тенденции, избегая «скомпрометированных» паранаукой тем и сосредоточиваясь исключительно на «эзотерических» (в куновском смысле) проблемах и задачах. В большинстве своем они, разумеется, понимают, что не всегда

«эксплуатация» определенной проблемы паранаукой есть результат принципиальной ненаучности самой проблемы, но следовать этому пониманию в своей практике решаются лишь немногие.

Очень показательна в этом отношении и ситуация, сложившаяся вокруг проблемы НЛО. В § 2 главы VI мы отмечали, что ее исследователи непосредственно имеют дело с совокупностью сообщений очевидцев (дополняемых в некоторых случаях показаниями приборов и вещественными следами) о наблюдениях объектов, оставшихся непонятными для наблюдавших их лиц. В более узком и строгом смысле НЛО — это объекты, остающиеся неопознанными даже после тщательного изучения всех доступных данных компетентными специалистами⁹⁷.

Разумеется, «отрицательные» определения всегда односторонни и уязвимы для критики (нет гарантий, что были изучены все данные и привлечены все необходимые специалисты). Однако имеющиеся сведения о наблюдениях НЛО позволяют допустить существование некоторого класса явлений, природа которых для современной науки не вполне ясна. С помощью статистической обработки этих сообщений установлено, что в них зафиксированы реальные объекты, характеристики которых заметно отличаются от характеристик известных атмосферных явлений и существующих технических устройств⁹⁸. Но из этого отнюдь не следует, что «подлинный» НЛО (т. е. «НЛО в узком смысле») — это непременно взезмой космический аппарат.

Выступая в ноябре 1978 г. на заседании Специального Политического комитета ООН, посвященном обсуждению проблемы НЛО, американский ученый Ж. Балле отметил, что в процессе своих исследований он не смог найти доказательств взезмой природы феномена НЛО. Однако он нашел немало доказательств того, что из трех аспектов этого феномена — физического, психологического и социального — последний аспект чрезвычайно важен и в известной мере независим от вопроса о природе и даже существовании «физических» НЛО⁹⁹.

Действительно, феномен НЛО представляет собой совокупность материальных объектов неизвестной пока природы, появляющихся время от времени в пределах земной атмосферы. Его же социально-психологическая проекция включает в себя, помимо наблюдений таких объектов, также наблюдения обычных объектов и явлений, *принимаемых* очевидцами за неопознанные; слухи и мнения о НЛО, циркулирующие в обществе; социальные тенденции, которые возникают под влиянием различных интерпретаций этого феномена. Как показывают опросы общественного мнения, 95% взрослого населения США что-либо слышали или читали о НЛО, 51% верит, что НЛО реальные, а 11% (15 млн человек) полагают, что сами наблюдали НЛО¹⁰⁰. При этом большинство «верящих» в реальность феномена НЛО относит его к проявлениям деятельности ВЦ, а некоторые из наблюдавших подобные объекты утверждают, что вступали в контакты с их «пилотами».

«Вера в неизбежность контакта с НЛО, — подчеркивает Ж. Валле, — это знак ширящегося разрыва между широкими массами и наукой. Мы начинаем расплачиваться за негативную и предвзятую позицию, занятую нашими научными учреждениями по отношению к искренним очевидцам проявлений феномена НЛО. Отсутствие серьезных, объективных исследований в этой области приводит таких свидетелей к мысли, что наука не в состоянии постичь суть данного феномена. Это заставило многих людей искать ответы за пределами рационально-научной формы знания»¹⁰¹.

Ж. Балле в определенной мере сужает проблему, рассматривая процесс «дерационализации» западного общества преимущественно как следствие конфликта между сложившимися формами науки и проблемой НЛО. Но при этом он глубоко изучает социальную сторону этого конфликта в книге «Посланцы лжи». Уфологические, или, вернее, «контакторские» секты уже представляют собой существенную часть мира современной «контркультуры». Рожденная из недовольства существующим порядком вещей «контркультура», как известно, парадоксальным образом лишь укрепляет этот порядок, а если и ведет к изменениям, то к изменениям тоталитарного, правоэкстремистского характера. При этом заинтересованные политические силы весьма успешно манипулируют подобными верованиями¹⁰².

Разумеется, «контакторская секта» — это предельный вариант ложного понимания феномена НЛО. Не случайно, однако, среди западных «любителей», его изучающих, «традиционно-внеземная гипотеза о его природе стала в последнее десятилетие непопулярной. В конце концов эта гипотеза в своей основе не противоречит общим принципам современной науки и может быть научно доказана или опровергнута. Методологические трудности не являются здесь решающими; они лишь способствуют выработке более адекватной методологии изучения проблемы НЛО, синтезирующей методы и достижения естественных, общественных и гуманитарных наук (как и в проблеме ВЦ в целом). На смену этой «тривиальной» точке зрения приходит концепция «ультрасуществов», «парафизических хозяев Земли», контролирующих развитие нашей цивилизации¹⁰³ и «давно известных» в оккультизме и в религиозной демонологии¹⁰⁴. Говорить о научном подходе к действительности здесь уже не приходится, но Ж. Балле в этом отношении прав — такова цена, которую буржуазное общество платит за многие свои пороки, в том числе и за постоянно увеличивающийся разрыв между наукой и массами.

В той мере, в какой «паранаучное сообщество» отходит с позиции «внеземной гипотезы», они становятся более доступными для отдельных представителей сообщества научного¹⁰⁵. Примечательно, однако, что марксисту Д. Шварцману идея наличия в массиве наблюдений НЛО сообщений о наблюдениях «настоящих» инопланетных аппаратов представляется оправданной и заслуживающей проверки¹⁰⁶, в то время как позитивист Ф. Типлер,

обосновав *необходимость* присутствия взеземных зондов в Солнечной системе (в случае, если ВЦ вообще существует), патетически замечает: «...Вера в существование взеземных разумных существ где-то в Галактике не отличается сколько-нибудь заметно от распространенной веры в то, что НЛО — взеземные космические корабли»¹⁰⁷ — и на этом основании отказывает в научности проблеме ВЦ в целом. Опасения научного, околonaучного и чисто социального характера оказываются достаточно сильными, чтобы долгое время успешно мешать серьезному научному изучению проблемы НЛО с точки зрения ВЦ-гипотезы. (А судьба профессора Аризонского университета Дж. Мак-Дональда, пропагандировавшего эту гипотезу в конце 60-х гг. и покончившего с собой в результате организованной против него травли¹⁰⁸, служит печальным доказательством справедливости этих опасений.) Псевдонаучные вымыслы и откровенные суеверия, связанные с НЛО в буржуазном общественном сознании, обязаны своим существованием не в последнюю очередь подобной самоцензуре западной науки.

Но и паранаука, при всей конфликтности ее отношений с другими компонентами все того же общественного сознания, вовсе не является чем-то для него принципиально чуждым. Напротив, возникновение паранаучных структур непосредственно связано с процессами переоценки роли науки под влиянием антигуманного использования целого ряда продуктов ее развития. Недоверие к науке распространилось с ее практических результатов на результаты теоретические, а отсюда — и на методы научного познания. Здравый смысл бизнесмена, опыт инженера, воображение писателя кажутся более эффективными средствами для решения новых задач, встающих перед человечеством, чем «закоснелые» методы науки. По существу, это одно из проявлений антисциентизма — мировоззренческой позиции, отвергающей центральную роль науки в системе человеческого познания и возлагающей на нее ответственность за многие бедствия человечества.

Выше мы показали безосновательность претензий паранауки на методологическое лидерство, а также ее вторичность в социокультурном отношении. Даже «положительный» вариант решения АС-парадокса, предполагающий, что следует сосредоточить усилия на поиске проявлений деятельности ВЦ в «ближнем космосе», остается в данном случае все в том же круге привычных для буржуазного общественного сознания моделей реальности. Конфликтный, внутренне противоречивый характер этого сознания приводит к тому, что, с одной стороны, содержательная и плодотворная научная идея перехватывается вненаучными формами мышления, а с другой — наука оказывается не в состоянии вернуть в свое ведение «захваченную» идею, даже если необходимость этого становится очевидной.

Марксистски мыслящие исследователи в разных странах видят выход из создавшегося кризиса прежде всего в формировании на основе исторического материализма гипотетической теории

космических цивилизаций, теории контактов между ними, в расширении радиопоисков высокоразвитых цивилизаций в нашей и соседних галактиках, а также в организации серьезного, научно обоснованного поиска проявлений ВЦ в Солнечной системе и следов палеовизитов на нашей планете¹⁰⁹. Д. Шварцман подчеркивает при этом тесную связь между возможностью установления контакта с высокоразвитыми ВЦ и необходимостью коренного изменения социальной структуры земной цивилизации, ликвидации отживших социально-экономических формаций. Нельзя не согласиться с этим прогрессивным американским ученым, когда он завершает одну из своих работ словами: «В идеологической борьбе все стороны культуры становятся полем битвы за гегемонию»¹¹⁰.